

Содержание

Введение

Так с чем же это едят? 9

1. Пифагорейцы

Теорема бобов 15

2. Платоники

Платон и его пиры 27

3. Аристотелевцы

Аристотель, мед и соль 49

4. Эпикурейцы

Эпикур вовсе не был афинским Хью Хефнером 61

5. Философия христианского Средневековья

Божественные котлы 75

6. Арабская и еврейская философия в Средние века

Отвоевывание удовольствия 95

7. Возрождение

Время проявить воображение 115

8. Скептики, рационалисты и эмпирики

Современная кухня 145

9. Кант

Критика гастрономического разума 175

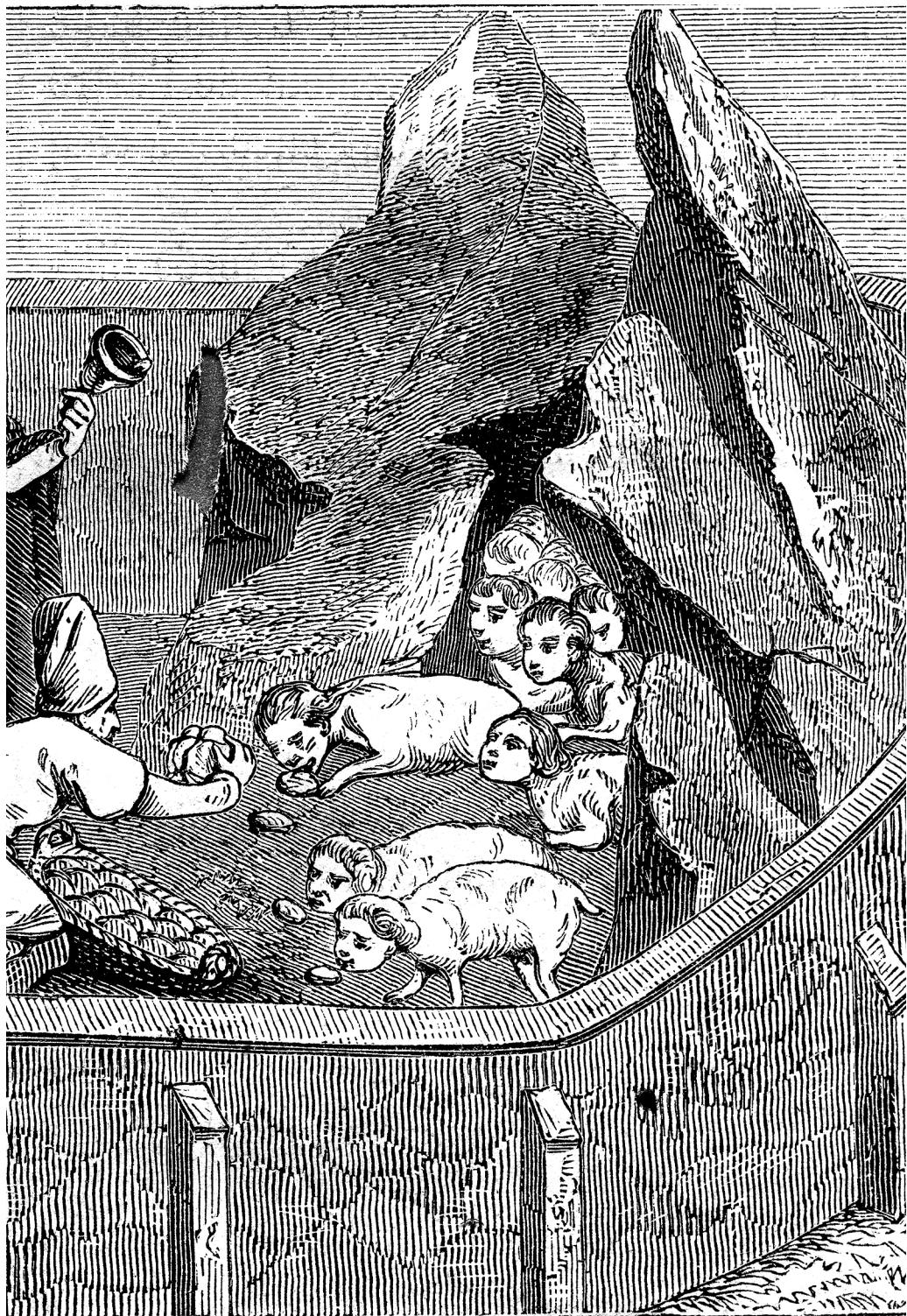
10. Идеализм против материализма

Пивной конфликт 191

А что же женщины?

Гастрософическое меню и с чем его подавать 227

Введение

Так с чем же это едят?

А случалось ли вам видеть собаку, нашедшую мозговую кость? (Платон <...> утверждает, что собака — самое философское животное в мире.) Если видели, то могли заметить, с каким благоговением она сторожит эту кость, как ревниво ее охраняет, как крепко держит, как осторожно берет в рот, с каким смаком разгрызает, как старательно высасывает. Что ее к этому понуждает? На что она надеется? Каких благ себе ожидает? Решительно никаких, кроме капельки мозгу.

РАБЛЕ. *Гаргантюа**

Эта книга не о философии и не о гастрономии, а о гастро-софии. Термин «гастрософия» ввел Фридрих Кристиан Ойген, барон фон Ферст (1792–1855), выпустивший в 1851 г. под псевдонимом Шевалье де Лелли книгу «Гастрософия, или Теория

* Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. — М.: Художественная литература, 1973. — С. 31. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прим. пер.*

радостей стола»*, гедонистическую элегию триединства здорового питания, здравомыслия и здорового образа жизни. В память о нем в этом аппетитном труде, который вы держите в руках, представлены размышления о радостях застолья и рецепты философских идей. Философия и кулинарное искусство сливаются воедино, наделяя нас умением добраться до мозга жизни, вкусить его сливочно-ореховых ноток и облизывать губы от его легкой минеральной сладости. Костный мозг, словно аристотелевская субстанция**, — привилегированная форма бытия, первосущность, раскрыть которую и получить от этого удовольствие можно, лишь если долгими часами грызть ее, терзать и высасывать. Вероятно, именно костный мозг действительности явился предметом поисков Гуссерля и Хайдеггера, когда они в качестве философского лозунга предложили идти «назад к самим вещам»; или же тем, что вдохновило Генри Дэвида Торо, когда он написал в книге «Уолден, или Жизнь в лесу», что ушел в лес потому, что «хотел жить разумно, <...> хотел погрузиться в самую суть жизни и добраться до ее сердцевины <...>, изгнав из жизни все, что не является настоящей жизнью <...>, чтобы не оказалось перед смертью, что <...> вовсе не жил»***.

Костный мозг — насыщенный жирами продукт с высокой пищевой ценностью, который дает нёбу упоительное чувство жирности. Он богат витаминами и минералами, особенно

* Vaerst, Eugen Baron. *Gastrosophie oder die Lehre von den Freuden der Tafel*. — Leipzig: Avenarius & Mendelssohn, 1851.

** Аристотель говорил: «Субстанция каждой вещи есть то, что свойственно лишь ей, что не принадлежит чему-либо другому». — *Прим. ред.*

*** Торо Генри Дэвид. *Уолден, или Жизнь в лесу*. — М.: РИПОЛ классик, 2018.

витаминами А, Е, D и К, фосфором, железом, магнием, кальцием, цинком, тиамином и ниацином. Но важнее всего то, что мало найдется вещей вкуснее поджаренного ломтика крестьянского хлеба, натертого чесноком, намазанного костным мозгом, политого небольшим количеством оливкового масла и посыпанного хлопьями морской соли, в сопровождении кислого белого вина или кавы, которые помогают нашей слюне смешиваться с жиром и распределять его по нёбу.

Кому приходилось вкусить мозговой косточки, вероятно, знает, сколько труда, терпения и упорства нужно приложить, чтобы выскрести все до последней капельки, поскольку полости кости, словно пещера Платона, не гладкие, а полны углублений, проникнуть в которые не способны ни вилка, ни ложка, ни здравый смысл. Поэтому нам остается лишь высасывать, каким бы непристойным, бесстыдным и некультурным это ни казалось властителям морали. Высасывание, как и мышление, беспокоит и обижает некоторых, особенно тех, кому не хватает решимости погрузиться в самую суть жизни и кто питается предварительно обработанными (конечно же, кем-то другим) продуктами и идеями. Мы же, как гастрософы, или философы, питаемся не только идеями. И мы, как повара, что стремятся дать пищу еще и душе, не приемлем ни хлеба из крупных супермаркетов и заправок, испеченного кем-то из муки мелкого помола, лишенной всякого зерна — кладезя всех основных витаминов и жирных кислот — и оболочки, богатой минералами и волокнами, ни этого медийного цирка, что усыпляет, отупляет и убивает рассудок.

Мы же, гастрософы, любим философию наслаждения, науку хорошего вкуса, в которой сливаются дружба и беседа,

шумный смех и напитки, кулинарное знание и мудрость духа, искусство и эротизм, музыка и ароматы. Нам, гастрософам, невероятно важно, что мы пьем, что едим и о чем размышляем. Нас вдохновляет еда, нам нравятся утонченные блюда, изысканные вкусы и полезные продукты (равно как и те, что таковыми не являются). Ради этого мы превращаем удовольствие в знание и наслаждаемся этой наукой. И упоение настигает нас еще задолго до того, как пища попадет в рот. Действо начинается одновременно с вопросом, что же мы будем есть, за которым следует изыскание и ненасытный поиск ответов: почему этот продукт называется именно так, почему у него именно такой вкус, как его готовили в различных культурах, каковы его свойства, кто и как его получил, почему он удачно сочетается с этими продуктами? И мы читаем, изучаем, думаем и рассуждаем о чечевице, нуте со шпинатом, бобах, пиве, вине, сливочном масле, сыре, свинине с мидиями, запеченных фигах, омлете со спаржей и морскими ежами, маринованном в апельсинах речном угре, треске в белом вине или пироге с устрицами и мясом.

Мы, гастрософы, размышляем о жизни, живем в соответствии со своими мыслями и питаемся так, как хотим жить. Думать об истине для нас не достойнее, чем думать об окороке, разбираться в условиях, необходимых для умения точно определить температуру варки яиц, при которой белок сворачивается до состояния пудинга, а желток остается кремообразным, или разгадывать логические парадоксы о том, как приготовить ростбиф для застолья, на котором всех объединяет страсть к мясу, но отличают представления об идеальной степени его прожарки. Все дело в том, что, как точно подметил наш гастрософ Даниэль

Иннерарити*, «в одном котелке собрано все общество. В одном котелке выясняется место мужчин и женщин, вид социальной справедливости, решаются вопросы глобализации и самодостаточности, определяются общественная солидарность и индивидуализм, закладываются будущее планеты и экологический баланс. Это мощнейшее оружие». А дело все в том, что революция начинается в продуктовой тележке.

Но эта книга не только о гастрософии. Это прежде всего книга о дружбе, написанная в четыре руки. В одном из своих эссе Теодор Адорно** обращается к детскому воспоминанию о том, как его мать со своей сестрой садились вместе играть на фортепиано. Этот образ для Адорно — символ того, как должны сосуществовать представители человечества: вдвоем создавать что-то общее, без необходимости жертвовать своей индивидуальностью. Авторы этого сочинения вместе провели много часов на кухне, испив много бутылок кавы. Дружба наша — искренняя, приносящая удовольствие и глубокая — побудила нас писать в четыре руки. Мы лишь желаем, чтобы читатели посмеялись, вдохновились и развлеклись почти так же, как мы в процессе написания. И пусть знакомство с книгой принесет им почти столько же смеха, вдохновения и удовольствия, сколько нам — ее создание. Потому что мы не претендуем дать на этих страницах решительно ничего, кроме капельки мозгу.

* Даниэль Иннерарити — современный испанский политический философ.

** Теодор Адорно — немецкий философ, социолог, теоретик музыки.

1

Пифагорейцы

Теорема бобов

Кротон был греческой колонией на месте современной Калабрии, а точнее, «подошвы итальянского сапога». Только вообразите себе омываемые Ионическим морем, освещаемые солнцем полуденные пейзажи этого райского уголка в качестве места, где распространялись мрачные религиозные идеи, основанные на лишении, умеренности, воздержании и, главным образом, отказе от всего, что делает жизнь приятной. Что же привело сюда надменного, закостеневшего философа, любителя запретов и сторонника идеи вернуть власть в руки аристократов, отказавшись от демократических веяний Афин?

Если вдруг все знания читателя о Пифагоре сводятся к сумме квадратов катетов, то будьте готовы к пиршеству. Метафорическому, конечно же, поскольку отношение философа и его учеников к еде было сложным и фактически заключалось в отказе почти от всего. Не больше здравомыслия было и в их отношении к сексу. Стоит только начать лишать себя удовольствия, как уже не можешь остановиться.

Про настоящего Пифагора известно немного, и, что еще хуже, сведения о нем противоречивы. С большой степенью достоверности мы знаем, что Пифагор родился на острове Самос, что он был сыном торговца (или камнереза) и побывал в Милете, Финикии и Египте. Путешествие в Египет представляет важность, потому что там будущий философ научился геометрии, астрономии и весьма беспокоящим его вещам, связанным с бобами. Многочисленные путешествия закончились на Кротоне, где он основал философскую школу/секту, высказывал определенные политические взгляды, не слишком приемлемые для зарождающейся демократии, но, что неудивительно, охотно принимаемые аристократией, и — самое важное — создал целое религиозное направление со множеством секретов, ритуалов и запретов.

Сильным местом созданной Пифагором секты была вера в архаическую наследственную вину, первородный грех, который надлежит искупить. Так что же является источником зла в человеке?

Объяснение того, почему наше тело — источник зла и заразы, чрезвычайно важно. Все началось с мерзких титанов, которые схватили младенца Диониса, разорвали на куски, сварили, поджарили и съели. Узнав об этом, Зевс ударом молнии испепелил титанов. Из пепла возникли мы, люди, противоречивые существа, чье тело вмещает в себя ужасную природу титанов, а душа — крохотную частицу божественной сущности Диониса. Жизнь видится пифагорейцам простой: мы приходим в этот мир оскверненными и нам нужно очиститься любым путем. Бóльшая часть их предписаний была направлена на очищение тела, а это, по-видимому, означало не допускать ничего, что могло бы доставить ему

удовольствие. Еды — мало. Вина — еще меньше. Секса — считанные разы вперемешку с длительными периодами полного воздержания. Дело в том, что в пифагореизме источником спасения является не справедливость, а чистота, поэтому тело должно испытывать не удовольствие и наслаждение, а ощущение греха и наказание. Все это вылилось в нравственный аскетизм, внушающий ужас телу и идущий вразрез с жизнью.

Глядя на жизненные удовольствия пифагорейцев, поражаешься их стремлению сменить после смерти телесную оболочку. При этом новое тело ожидает ничуть не меньше лишений. Еще одной центральной идеей пифагорейского учения является метемпсихоз, или переселение душ. Тело — это тюрьма, в которой душа получает заслуженное наказание за грехи прошлых жизней. Его приверженцы настаивали на существовании некоего «я», более древнего, чем тело, которому суждено пережить его, постоянно перерождаясь, пока оно не достигнет конечной цели: необремененной плотью исключительно духовной жизни. Очевидным следствием этого учения о переселении душ стало вегетарианство: животное, которое ты убиваешь, может быть вместилищем души. При этом стоит отметить, что Эмпедокл воспользовался этим учением с совершенно противоположной целью — категорически отказаться от употребления пищи овощей. Философ из Акраганта испытывал отвращение к овощам, поскольку, по его словам, в прошлой жизни он обитал в кустарнике (обитал буквально, то есть душа его поселилась там, а вовсе не из-за того, что он не нашел для шалаша лучшего места).

В своем стремлении не загрязнить себя и сохранить состояние чистоты пифагорейская секта руководствовалась большим

многообразием не всегда разумных правил: не позволять ласточкам гнездиться под своей крышей, не подбирать ничего с земли, не оставлять следа горшка на золе, не шевелить угли железным прутом... Многие из запретов были связаны с религиозным отвращением к телу: уважающий себя пифагореец не мог смотреться в зеркало, расположенное у огня, а поднявшись с постели, обязан был разгладить постельное белье, чтобы не оставить на нем следов своего пребывания. Другие были более изощренными, но более или менее в том же русле: нельзя было прикасаться к белому петуху (поскольку белый цвет олицетворяет чистоту и петух, как священное животное, — тоже). Но специализировались пифагорейцы на предписаниях, связанных с питанием: хлеб нельзя было ломать (что весьма затрудняло процесс поедания чего-либо крупнее канapé), абсолютно запрещено было проливать хоть каплю крови и совсем-совсем никогда нельзя было отведать барабульки или красного тунца. Запрет на тунца, судя по всему, связан с его окровавленным видом. А вот в случае с барабулькой — с верой в то, что они питаются «всякими зловонными нечистотами» (но, скорее всего, дело в красноватом оттенке их мяса; похоже, у пифагорейцев были проблемы с красным). Кровопролитие же было, наверное, одним из строжайших табу. Золотым правилом было «не проливать кровь», поскольку считалось, что пролитой кровью можно запачкаться. Поговаривают, что Пифагор старался не дотрагиваться до плотоядных и хищников не из-за их жестокости, а потому что считал носителями заразы. Поэтому приходилось отпраивать за покупками кого-нибудь другого. Пусть каждый сам заботится о своей чистоте.

Однако всем членам секты требовался смертный грех посерьезнее всего остального, представляющий главный

источник нечистоты. Большинство религиозных учений выбирает что-нибудь связанное с сексом, но, хотя Пифагор и наложил на своих учеников (и учениц) определенные ограничения сексуального характера, в его секте любовные прегрешения не считались самыми тяжелыми. В любом случае вступать в любовные отношения надлежало зимой, а никак не летом. Менее строго на них смотрели осенью и весной, но все равно, какая бы ни стояла пора года, они не приветствовались, считались вредными для здоровья, и лучше было вообще от них воздержаться. Если выбирать между решением математической теоремы и играми с Афродитой, то первое гораздо предпочтительнее. Действительно, как-то на вопрос, стоит ли вступать в отношения с женщиной, философ ответил: «Если только хочешь сделать себя слабее». Но Эмпедоклу своей экстравагантностью, кажется, удалось превзойти Пифагора и в этом, поскольку он не только не одобрял, но и запрещал любой вид сексуальных отношений, включая даже брак.

Однако, как мы уже сказали, самым ужасным был не секс. Тяжелейшим грехом, который только мог совершить пифагорец, было поедание бобов. Существует множество объяснений этой фобии, вплоть до самых необычных. Одна из теорий уходит корнями в бытность Пифагора в Египте, где, по-видимому, их не употребляли в пищу из-за схожести с мужскими гениталиями. Стоит задаться вопросом, какой вид бобов встречался в Египте или, скорее, какое там было представление о гениталиях. Гораздо менее интересна, но более правдоподобна версия, что слово «фасоль» означало «яичко» в разговорном языке Древнего Египта. Опять-таки, уверенности в ней меньше, нежели сомнений в том, что такой выдающийся человек, как Пифагор, был способен

положить в основу целого учения буквальный перевод какого-то ругательства.

Еще одна теория о происхождении этой пифагорейской фобии дошла до нас благодаря раннехристианскому епископу Ипполиту еще в III в., который утверждал, что если оставить на солнце пережеванные до пастообразного состояния бобы, то через несколько дней они начинают пахнуть наподобие семени. Это утверждение порождает больше вопросов, нежели ответов, и первым в голову приходит, каким таким экспериментальным методом епископу удалось это установить. Также он утверждал, что «если закопать цветущий бобовый стебель и через несколько дней откопать его, то станет видно, что он по форме напоминает женские половые органы, а если тщательно присмотреться, то можно заметить голову растущего там ребенка». После таких образов желание есть бобы пропадет даже у самых закоренелых атеистов.

В такой же, если не в большей, мере обоснованной можно назвать теорию, что пифагорейцы отказывались употреблять пищу бобы, потому что те приводили к метеоризму, безошибочному признаку наличия у них души. Метеоризм в этом случае был вызван отчаянными попытками газов покинуть тело и вернуться в космос. Неизвестно, насколько легко жителям Кротона удавалось сохранять серьезность, когда они слышали эти теории из уст своих надменных сограждан. В наше время... с трудом.

Не следует также сбрасывать со счетов и еще одну версию, какой бы скучной она ни казалась: отказ от бобов был обусловлен тем, что их использовали для жеребьевки

во время распределения государственных должностей. Пифагорейцы участвовали в политической жизни города, но не как кандидаты на должность, а в качестве советников. Отказ от бобов означал отказ от признания демократической системы. Четко выраженный выбор в пользу аристократии перед простым народом вкупе со страхом перед бобами в конце концов стоил Пифагору жизни.

Не вызывает сомнений скромность привычек пифагорейцев, но их вегетарианство не столь очевидно. Они избегали стольких вещей, что с течением времени проще стало исключить из своего рациона все продукты животного происхождения, чтобы не запутаться и не совершить грех, но, по словам Порфирия, под абсолютным запретом было лишь все, что связано с рождением, развитием, началом и концом. А именно: почки, яички, органы репродукции, спинной мозг, ноги и голова. Без этого в животном остается много всего пригодного в пищу: самые лакомые кусочки. Это не исключает того, что Пифагору, как всякому ценящему себя лидеру секты, свойственно небольшое или даже большое преувеличение: он отказывался от пищи на несколько дней и запирался в подвале, чтобы затем снова появиться бледным и изможденным и объявить, что побывал в аду. И если он не собственноручно порождал мифы о себе, то желающих сделать это было хоть отбавляй. Диоген Лаэртский* пишет, что никто не видел, чтобы Пифагор справлял нужду, занимался любовью или напивался. Должно быть, его ненависть к бедным пьяницам была чудовищной. Пьянство он называет просто

* Диоген Лаэртский (ок. II–III вв.) — историк философии, автор труда «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М.: Мысль, 1986).

«надругательством» и советует воздерживаться от излишеств, утверждая, что никто не должен преступать меру ни в питье, ни в еде. Чтобы помочь своим ученикам всегда знать меру в выпивке, он изобрел гениальную кружку, механизм которой не давал наполнить ее больше положенного. Речь об особом бокале для вина, содержимое которого полностью выливалось, стоило только превысить определенный уровень. В этом изобретении нет ни магии, ни передовой технологии, использующей сенсоры; в его основе лежит простой принцип сообщающихся сосудов. Поэтому непохоже, чтобы учение о переселении зародилось в пьяном угаре, даже если Ксенофонт* именно так и подумал, когда услышал, что Пифагор узнал душу старого друга в маленькой собачке, которую били. По словам Аполлодора**, когда Пифагор сформулировал свою знаменитую теорему (или же когда с ужасом открыл иррациональные числа, которые камня на камне не оставили от его учения о гармонии мира и остаются головной болью студентов на протяжении 25 веков), то принес в жертву богам 100 быков, не особо задумываясь о том, вселилась ли душа какого-нибудь его умершего родственника в одно из животных.

Про смерть Пифагора должно быть написано в энциклопедиях в статье «Ирония»: говорят, что граждане Кротона, которым надоели его не совсем или совсем не демократические воззрения, отправились за пифагорейцами с весьма пагубными для их здоровья намерениями. Путь к бегству пролегал

* Ксенофонт Афинский (ок. 430–356 до н.э.) — древнегреческий писатель, историк, полководец.

** Аполлодор Афинский (ок. 180–120 до н.э.) — древнегреческий писатель, философ.

через бобовое поле, куда Пифагор категорически отказался направиться, что в конечном итоге стоило ему жизни.

По другой, возможно более апологетической, версии, философ на 40 дней полностью отказался от еды и такое радикальное голодание привело его к смерти. Столь неожиданная развязка стала частью мифа о нем.

Достоверных сведений о последующих реинкарнациях Пифагора до нас не дошло.

РЕЦЕПТ: САМОУБИЙСТВО ПО-ПИФАГОРЕЙСКИ

Чтобы убить или довести до самоубийства пифагорейца, лучше всего приготовить добрую порцию бобов «абас энсаратас», традиционного блюда Уэльвы и Алгарве*.

Ингредиенты (на 4 порции):

- 500 г свежих бобов (крупные стручки очистить)
- 1 головка чеснока (ножом срезать по кругу верхнюю часть)
- вода
- свежие веточки мяты болотной
- свежие веточки кориандра
- соль
- несколько капель лимонного сока

Способ приготовления:

- Выложите все ингредиенты в кастрюлю, залейте водой и доведите до кипения.
- Поставьте вариться до готовности (около 30 минут). От души посолите и приправьте свежей зеленью. Снимите с огня и добавьте несколько веточек мяты.
- Подходят в качестве закуски — теплыми или холодными. Очистите руками, удалите стручки, подавайте с хорошо охлажденным пивом. Горечь хмеля идеально сочетается с блюдом.

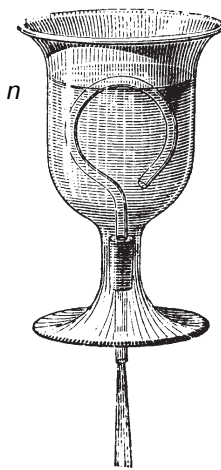
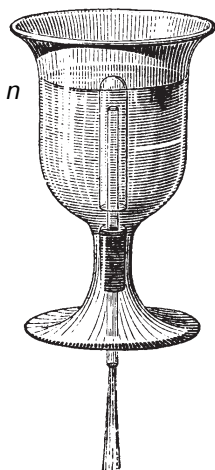
* Уэльва (исп. Huelva) — провинция на юго-западе Испании, Алгарве (порт. Algarve) — регион в Южной Португалии.

ЧАША ПИФАГОРА

Это знаменитое устройство придумал Пифагор, чтобы помочь ученикам научиться сдерживать себя. Чашей можно было пользоваться, только соблюдая умеренность, но если страсть к вину побуждала наполнить ее выше границ благочестия, то спрятанный внутри обратный сифон приводил к тому, что вино выливалось через дно прямо на нетерпеливца.

Как Платон, так и Ксенофонт рассказывают в своих «Пирах», что Сократу никогда не пригодилось бы изобретение Пифагора, поскольку философ, который ничего не знал, по крайней мере знал, как потреблять больше всех вина и никогда не пьянеть, чем среди прочего знатно бесил остальных участников симпозиума.

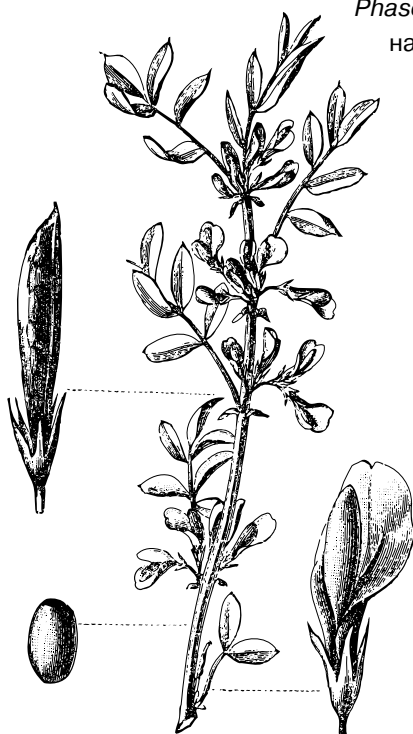

БОБЫ НОВОГО И СТАРОГО СВЕТА

Как могли пифагорейцы страдать фобией по отношению к бобам, которые достигли Европы лишь на испанских кораблях наряду с картофелем, какао, кукурузой, помидорами, перцем чили, ананасами, авокадо и бутылочной тыквой? Ответ прост: бобы Нового Света и те, что выращивались в Кротоне, были разными видами. Первые принадлежат к самому распространенному виду

Phaseolus vulgaris (фасоль обыкновенная). Вторые относятся к виду *Vigna* (вигна); их, по-видимому, начали выращивать тысячи лет назад в Западной Африке.

В Евразии фасоль (*alubias*) культивировали тысячелетиями. Доказательством служат древние документы и результаты раскопок. 5000 лет назад в языке шумеров для фасоли уже существовало слово *lu*. Постепенно оно превратилось в *lu-up-up*. Потом, приблизительно 3800 лет назад, оно перешло в аккадский язык как *lurpu*. Греки заимствовали его в виде *lóbion*. В арамейском языке *lóbion* превратилось в *lubya* и в таком виде вошло в арабский язык, приобретя вместе с артиклем форму *al-lubya*.

2

Платоники

Платон и его пиры

После смерти Сократа Платон посвятил себя познанию мира: Мегары, побережья современной Ливии, юга Италии, Египта и, к своему несчастью, Сицилии. Он прибыл на остров с намерением взглянуть на Этну, вулкан, в который бросился Эмпедокл и который, если верить легенде, изрыгнул одну из его бронзовых сандалий. Нам неведомо, привлекло ли Платона на Сицилию изучение вулканов либо же поиски второй сандалиии, но не вызывает сомнения, что Дионисий I, тиран города Сиракузы, узнав о его присутствии, пригласил философа на продолжительное время к своему двору, где тот поладил с Дионом, шурином диктатора.

Дион загорелся политическими идеями Платона и принялся уговаривать Дионисия прислушаться к учению философа. Нечего и говорить, что диктатор обратил на его слова мало (вернее, абсолютно никакого) внимания, то есть поступил именно так, как обычно все мы — тираны или нет — с теми, кого нам рекомендует какой-нибудь свояк.

Платон старался как мог, но все его попытки сделать политика мудрецом не увенчались успехом. Противостояние между аскетичным философом и кутилой-тираном дошло до предела. Дионисию не доставляли никакого удовольствия прямота и упреки Платона; Платон терпеть не мог неумеренность и распушенность тирана. Философу претили устраиваемые тираном пиры, а тирану — непонятные идеи философа. Спор между ними набирал обороты, а тон — высоту, пока однажды Дионисий по-дружески не обронил: «От твоих слов несет тленом». Платон, который никогда за словом в карман не лез, парировал: «А от твоих — одержимостью тирана». То, что случилось дальше, вряд ли удивит читателя: Платона продали как раба во враждебный Афинам город. Говорят, что когда тирана упрекнули в совершённом, он ответил: «Будучи философом, он определенно даже не заметит, что с ним случилось». А заметил это, к счастью Платона, его соотечественник, некий Анникерид, что выкупил философа и привез в Афины свободным.

Спустя некоторое время Дионисий Старший умер, чем не преминул воспользоваться Дион, чтобы вновь пригласить своего старого друга в Сиракузы и поручить ему воспитание нового тирана: Дионисия II. Платон согласился, конечно же, по незнанию, что вторая часть никогда не бывает хорошей. И если первая поездка на Сицилию закончилась для него плохо, а вторая — еще хуже, то третья — и последняя — фатально.

Но это уже другая история.

А в этой давайте вернемся к первому посещению Платоном Сиракуз. Сказать, что город ему не понравился

с первого взгляда, — не сказать ничего. Надо понимать, что Платон был обычаев и взглядов спартанских, приверженцем строгой, скромной, умеренной диеты, доходившей до банальной. Культурно-гастрономический шок, который он испытал в этом сицилийском городе, где по сей день еда доставляет огромное удовольствие, оказался, должно быть, эпическим. Вот как он сам повествует об этом в одном из писем:

Народ, утолявший голод дважды в день! Они потребляют чрезмерное количество пищи <...>. Тамашняя пресловутая блаженная жизнь, заполненная всевозможными италийскими и сиракузскими пиршествами, никак не пришлась мне по душе. Не понравилось мне и наедаться дважды в день до отвала, а по ночам никогда не спать одному и также всякие другие привычки, связанные с подобной жизнью. Естественно, что никто из людей, живущих под этим небом, с юности воспитанный в таких нравах, не мог бы никогда стать разумным; даже если он одарен чудесными природными задатками, он при этих условиях даже не подумает стать рассудительным; то же самое относится и к прочим частям добродетели. В то же время никакое государство не сможет наслаждаться покоем, опираясь на законы, как бы хороши они ни были, если люди будут считать, что все нужно тратить на чрезмерную роскошь и что они ни к чему прилагать не должны никаких усилий, разве только к обжорству, пьянству и к любовным утехам. Такие государства неизбежно то и дело меняют формы правления, становятся то тираниями, то олигархиями, то демократиями,

и нет этим переменам конца. Властители таких государств не могут слышать даже имени справедливого и равноправного строя.

*(Письмо VII, 326 c-d)**

(Заметьте, что он ставит на один уровень тирании, олигархии и демократии; демократический дух Платона оставлял желать лучшего, философ всегда давал четко понять, что афинскую демократию той эпохи он не причислял к фаворитам среди форм правления — она даже не прошла в финал. Платон признавал лишь одну форму правления: ту, при которой у власти он; все остальные — сплошной суррогат.)

Возвращаясь к теме двухразового питания и других вредных привычек, получаем нестыковочку. Ну-ка, разве не «Пир» — одно из самых известных, если не самое знаменитое, из сочинений Платона? Так о каком же пире повествует нам этот ярый сторонник спартанских обычаев?

Ответ: в «Пире» почти не говорится о трапезе. Все внимание уделено симпозию. Не стоит судить об этом слове по его современному значению: если сегодня «симпозиум» — это совещание по научным вопросам, то у греков это была встреча любителей выпить. Хотя, если вдуматься, исконное значение слова здесь не так уж далеко от истины.

Сразу оговоримся, что женщины в симпозиях не участвовали. Как-то раз пригласили было одну, Гиппархию, и все пошло не очень хорошо (особенно для Феодора Безбожника,

* Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1994. — С. 477–478.